

Академия наук Абхазии

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

На правах рукописи

Мирзоев Асланбек Султанович

«Традиционные институты военной культуры черкесов и их трансформация в период с Раннего Средневековья по 30-е гг. XX в.»

Специальность:

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Сухум - 2024

**Диссертация выполнена в отделе
этнологии Абхазского института гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии**

Научный консультант: доктор исторических наук

Анчабадзе Юрий Дмитриевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук

Дмитриев Владимир Александрович

доктор исторических наук, профессор

Хотко Самир Хамидович

доктор исторических наук, профессор

Маан Омар Владимирович

Ведущая организация: Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

Защита состоится 30 мая 2024 г. в « » часов на заседании разового Диссертационного совета на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа по адресу: Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии и на сайте Академии наук Абхазии akademra.org

Автореферат разослан « » 2024 г.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44, e-mail: abigi@rambler.ru

Ученый секретарь
разового Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Н.В. Касландзия

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В сложносоставной системе человеческой культуры закономерное место занимает такая ее подсистема как военная культура. Накопленные к настоящему времени знания позволяют утверждать о совершенно особой роли военной культуры в историческом прошлом черкесского народа, и это связано не только с высоким развитием черкесского военного искусства эпохи средневековья. Специфика заключена в той уникальной роли, которую милитаризованные аспекты культуры играли во всех сферах жизни черкесского социума – от политической до семейно-общественной, от социальной до духовной. Более того, военная культура во многом институализировала социальные основания средневекового черкесского общества. Поэтому военную культуру правомерно выделить как особую подсистему и в рамках традиционной культуры черкесов.

Особый интерес и актуальность представляет изучение роли военной культуры в структуре и общественных отношениях черкесского социума. Многие традиционные институты, регулировавшие социально-политическую жизнь средневековой Черкесии, – наездничество, абречество, аталычество, вассалитет, выезд на службу, военное отходничество – либо прямо детерминировались функциями военной культуры, либо содержали милитаризованные аспекты своего функционирования. Военная культура в целом и рассматриваемые нами институты являются сквозной темой истории народов Кавказа, будучи актуальными для их самосохранения и выживания в сложных геополитических условиях в период Средневековья и Нового времени. Их изучение представляет актуализированный исследовательский интерес и имеет большое значение для понимания историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших на Центральном и Северо-Западном Кавказе. Традиционная предрасположенность черкесов к военной деятельности сыграла значительную роль в жизни черкесской зарубежной диаспоры. Вовлеченность черкесов в во-

енную сферу стран Ближнего и Среднего Востока находит объяснение при изучении традиционных институтов военной культуры черкесов.

Степень исследованности темы настоящей работы можно охарактеризовать следующим образом: ни в дореволюционной этнографической литературе, ни позже военная культура черкесов и входящие в нее социальные институты не стали объектом специального комплексного исследования. Отдельные вопросы, касающиеся таких заметных и специфических в жизни черкесов и других кавказских народов явлений, как наездничество, аталычество, абречество, рассматривались в трудах дореволюционных авторов – С.М. Броневского¹, И.Ф. Бларамберга², К.Ф. Сталя³, Н.Ф. Дубровина⁴, В.А. Потто⁵, Л.Я. Люлье⁶, Н.Ф. Грабовского⁷ и др. В советской и современной российской науке среди исследователей, затрагивавших вопросы, связанные с военной культурой черкесов, можно выделить таких ученых, как Г.А. Кокиев⁸, М.В. Покровский⁹, В.Б. Вилинбахов¹⁰, Е.Н. Кушева¹¹, В.К. Гарданов¹², Е.Д. Налоева¹³, С.Х. Мафедзев¹⁴,

¹ Броневский С. Кавказцы (Репринтная печать: Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М. В типографии С. Селивановского, 1823). ИПКПО «Адыгея», Майкоп. 465 с.

² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставропольское книжное изд-во, 1992. 240 с.

³ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 185–278.

⁴ Дубровин Н. Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. Вып. 1. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1991. С. 13–249.

⁵ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1994. В 5 томах.

⁶ Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик: Эльбрус, 1991. Вып. I. С. 317–325.

⁷ Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. Отд. I. С. 1–78.

⁸ Кокиев Г.А. Военное воспитание у кабардинцев в прошлом // Ученые записки. Кабардинский научно-исследовательский институт при Совете Министров Кабардинской АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. Том I. С. 129–141.

⁹ Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – перв. пол. XIX в. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1989. 319 с.

¹⁰ Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества / Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР. Нальчик: Эльбрус, 1977. 231 с.

¹¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.

¹² Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – перв. пол. XIX в.). М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967. 332 с.

¹³ Налоева Е.Дж. Загадочный обычай барамта // Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. С. 139–149.

¹⁴ Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 1991. 254 с.

Б.Х. Бгажноков¹⁵, В.Х. Кажаров¹⁶, К.Ф. Дзамихов¹⁷, А.Т. Керашев¹⁸, М.Н. Губжоков¹⁹, Ю.Ю. Карпов²⁰, Ю.М. Ботяков²¹, В.О. Бобровников²², С.Х. Хотко²³, А.В. Кушхабиев²⁴, А.В. Казаков²⁵, В.В. Лапин²⁶, З.А. Кожев²⁷, Х.С. Кушхов²⁸, Ф.А. Озова²⁹, Д.Н. Прасолов³⁰ и др. В их работах рассмотрены такие аспекты военной культуры черкесов, как военно-физическая подготовка, традиционные общественные институты (аталычество, абречество, выезд на службу, барамта), специфика военной организации и военной тактики, социально-исторический феномен мужских союзов и их роль в социально-политической и обрядово-культурной сферах жизни, воинский класс и его место в социальной структуре народонаселения Черкесии, нормы обычного права, связанные с защитой прав собственности, влияние военных традиций народов Кавказа, оказанное на российскую кавказскую армию и др.

Целью диссертационного исследования является изучение исторического опыта милитаризованного образа жизни черкесов, генезиса и развития адыгской военной культуры, формирующих ее традиционных институтов и связанных с ними социальных явлений.

¹⁵ Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 229 с.

¹⁶ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. 438 с.

¹⁷ Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 811 с.

¹⁸ Керашев А.Т. Социальная сущность адыгского наездничества // Культура и быт адыгов. Майкоп: АНИИЭЯ-ЛИ, 1991. Вып. VIII. С. 167–186.

¹⁹ Губжоков М.Н. Культура адыгов // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2009. С. 357–450.

²⁰ Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. Санкт-Петербург: Первая типография РАН «Наука», 1996. 310 с.

²¹ Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 208 с.

²² Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1(8). С. 19–46.

²³ Хотко С.Х. Генезис черкесских элит в султанате Мамлюков и Османской империи. Майкоп: Меоты, 1999. 280с.

²⁴ Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик. Институт истории, филологии и экономики Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 1997. 226 с.

²⁵ Казаков А.В. Черкесы на российской государственной и военной службе. Нальчик: Эльбрус, 2017. 707 с.

²⁶ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVII–XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 396 с.

²⁷ Кожев З.А. Воинский класс Кабарды: базовые параметры боеспособности // Вестник КБИГИ (КВНН Bulletin). 2021. № 4-2 (51). С. 16–26.

²⁸ Кушхов Х.С. Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик: КБНЦ РАН, 2011. 199 с.

²⁹ Озова Ф.А. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. СПб.: Нестор-История, 2020. 632 с.

³⁰ Прасолов Д.Н. Трансформация военной культуры кабардинцев и балкарцев в практиках местного самоуправления во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2019. № 4-1(43). С. 50–58.

Реализация поставленной цели предполагает выполнение следующих **задач**:

– представить какое влияние на формирование военной культуры оказали внешнеполитические, природно-географические, социально-политические условия существования черкесов, особенности черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры;

– проследить генезис традиционных институтов военной культуры;

– обозначить причины их длительного бытования, консервации в черкесском феодальном обществе;

– указать функции, которые эти институты выполняли в связи с внутренними и внешними условиями развития черкесского этноса;

– отметить взаимосвязь и взаимодействие этих общественных институтов между собой и с другими институтами как частей целостной системы общественно-политического, социального устройства черкесского социума;

– проследить трансформацию институтов военной культуры в ходе исторического развития;

– провести дифференциацию институтов и освещение условий появления черкесов на военной службе других стран, будь то наем, феодальный институт выезда на службу с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений или же в рамках института военного рабства;

– показать характер и масштаб политических, военных, культурных и демографических контактов Черкесии со странами Восточной Европы, Закавказья и Ближнего Востока в рамках институтов военной эмиграции, отходничества, выезда на службу и военного рабства;

– выявить какое значение в налаженной черкесами эффективной системе военной подготовки имели идеологическая обстановка, поддерживаемая в обществе, этические, обычно-правовые, этикетные нормы адыга хабза и уорк хабза.

Научная новизна диссертации определяется системностью проведенного исследования, в основе которого лежит разработка этнологических, исторических, культурологических проблем, позволяющих достичь концептуального уровня репрезентации темы. В настоящей диссертационной работе военная культура и ее компоненты впервые рассматриваются как отдельная система в рамках традиционной этнической культуры черкесов. Проанализирована институциональная роль военной культуры в социальной системе средневекового черкесского общества, рассмотрены его традиционные социальные институты как механизмы регулирования общественных отношений, связанных с войной, военным бытом и военизированными аспектами черкесского быта. Обосновывается тезис о том, что военная культура – сквозная тема черкесской истории, а черкесский воин – базовая личность черкесского общества на протяжении длительного исторического периода, определявшие его этническое, историко-культурное своеобразие и в таком ракурсе вошедшее в мировую историю.

Научная и практическая значимость диссертации состоит в том, что исследование институтов военной культуры способствует пониманию историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период Средневековья и Нового времени. Оно имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение. Специфические комплексы духовных представлений, способствовавшие развитию характерной для северокавказских этносов воинственности, продолжают сохраняться и ныне в психологии этих народов. Это проявилось, в частности, в военно-политических конфликтах, имевших место в 90-х гг. XX столетия на территории бывшего Советского Союза – в Республике Абхазия и Чеченской Республике.

Несмотря на семьдесят лет Советской власти и проводившуюся ею политику модернизации, традиционные общества, каковыми были народы Северного Кавказа, попавшие в геополитическое пространство сначала Российской империи, а затем Советского Союза, и сегодня не являются в полной мере современными модернизированными сообществами. Развитие военной техники и

технологий не может нивелировать человеческий фактор на войне. Как в прошлых, так и в современных войнах большое значение имеют моральные качества и боевой дух народов, участвующих в них. Традиционные общества, невзирая на технологическую отсталость в военной сфере, порождают лучший человеческий материал для армии. Демилитаризация социальных отношений в модернизированных обществах с преобладанием современного городского населения приводит к сложностям в деле формирования эффективных вооруженных сил, обусловленным характерным нежеланием нести военную службу и нести военные потери. Глубокие воинские традиции народов Северного Кавказа могли бы найти реализацию в создании элитных воинских подразделений в составе регулярных армий. Подобный удачный опыт имел место в истории Российской империи во время Первой мировой войны, когда была сформирована так называемая «Дикая дивизия». В наше время примером создания элитных воинских подразделений на этнической основе может служить дворцовая гвардия главы Иорданского Хашимитского Королевства, набранная исключительно из черкесов.

Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке научных трудов, разработке учебных пособий и лекционных курсов, создании научно-популярных работ по этнографии, политической, социальной и военной истории народов Кавказа.

Теоретико-методологическую основу исследования составили следующие принципы и методы:

– принцип историзма. При изучении феноменов общественной жизни того или иного этноса необходимо учитывать конкретные исторические условия их бытования. Только в таком случае их оценки могут быть объективными. Принцип историзма имеет универсальное значение и позволяет рассматривать исторические явления в развитии: истоки, факторы, обусловившие их возникновение, этапы формирования. Данный принцип ориентирует исследователя на изучение проблемы с учетом того историко-культурного контекста, в котором она возникла и оценивалась современниками и потомками;

– принцип универсальности истории. Магистральный путь развития человечества имеет одни закономерности, что не исключает некоторых особенностей в развитии отдельных народов, государств, цивилизаций;

– принцип функциональности. Любой общественный институт выполняет жизненно важные функции. Цель исследователя – выяснение этих функций;

– принцип системности. Жизнедеятельность социальных организмов обеспечивают несколько основных институтов, которые взаимодействуют друг с другом. Поэтому любой институт необходимо рассматривать во взаимной связи с другими, входящими в систему общественных институтов данного общества;

– принцип системно-структурного анализа ориентирован на выявление функциональной взаимосвязи сложных исторических явлений. В рамках заявленной концепции объект исследования (военная культура) предстает в виде системы с характерной структурой элементов. При этом предмет исследования (общественные институты военной культуры) представляет органичную часть объекта в его внутренних и внешних связях, формируя целостную картину традиционной этнической культуры;

– принцип преемственности. Любое явление необходимо представлять себе в развитии: генезис, становление, расцвет, угасание или трансформация;

– принцип объективности. Принцип объективности требует проводить реконструкцию реальных исторических событий и явлений, опираясь на критический анализ источников;

– ценностный принцип. Заключается в выявлении ценностей, характерных для народов на определенном этапе их развития. Мировоззренческие, культурные, духовные представления имеют влияние на психологию и деятельность представителей тех или иных этнических групп.

Реализация цели и задач диссертационной работы с учетом конкретных условий и предмета исследования потребовала использования таких методов, как анализ и синтез, индукция и дедукция, позволившие выработать теоретические обобщения и установить причинно-следственные связи исторических явлений.

При проведении исследования нами применен ретроспективный метод, предполагающий использование данных источников, выходящих за хронологические границы проведенного исследования. Учитывая высокую степень консерватизма культуры и основных форм общественной жизни черкесов, а также замедленные темпы их социально-экономического развития, выводы, сделанные на основе данных письменных источников XV – первой половины XIX в., можно экстраполировать на более ранние периоды черкесской истории.

Также нами использовались понятия, применяемые в этнологической науке: «этнос культуры», «культурная тема»³¹, «базовая личность»³².

Таким образом, применение современных представлений о функциях, принципах и методах исторического исследования в совокупности составило методологическую основу диссертации. Это позволило рассмотреть процесс генезиса черкесской военной культуры в ее конкретно-исторической обусловленности, через функционирование основных общественных институтов военной культуры.

Объектом диссертационного исследования являются военная культура черкесов, условия ее формирования и эволюция в ходе исторического развития.

Предметом исследования выступают традиционные институты военной культуры черкесов и связанные с ними социальные явления в динамике, с учетом их трансформации в ходе исторического развития.

³¹ Понятия, введенные в научный оборот Р. Бенедикт, американским антропологом, автором классической в области психологической антропологии книги «Модели культуры» (Benedict R. Pattern of culture. – Boston: Houghton Mifflin co., 1989. – XXIV, 291 p.). Согласно ее теории, каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые все объединены культурной темой (ее она называет этосом культуры), определяющей не только, каким образом элементы культуры соотносятся друг с другом, но и их содержание. Ценности той или иной культуры определяются устойчивой верой представителей данной культуры в то, что определенные формы поведения или состояния мира предпочтительнее для личности и общества.

³² Базовая личность представляет собой совокупность личностных характеристик, присущих людям одной культуры. Понятие, введенное в научный оборот американским исследователем А. Кардинером, используемое в культурной антропологии и этнопсихологии и свидетельствующее о наличии в каждой культуре одного доминирующего типа личности. Развивая свои идеи, Кардинер вводит понятие базовой личности, определяя ее как основную личностную структуру, формируемую данной культурой. Базовая личность – это склонности, представления, способы связи с другими людьми. Это все то, что делает индивида максимально восприимчивым к определенной культуре и позволяет ему достигать удовлетворенности и устойчивости в рамках существующего порядка, т.е. базовая личность есть адаптация к фундаментальным реальностям жизни в определенной культуре.

Хронологические рамки диссертации определены периодом: Раннее Средневековье – 30-е гг. XX в. Выбор этого отрезка времени обусловлен следующими соображениями:

– нижняя граница хронологических рамок начинается Ранним Средневековьем, так как в этот период имели место прецеденты вовлеченности проточеркесских групп в процессы военной эмиграции;

– верхняя граница хронологических рамок определена тем, что некоторые из институтов военной культуры, например, наездничество и абречество, дожили в трансформированной форме до 30-х гг. XX в.

Географические границы исследования носят этнически ориентированный характер и включают пространство Северо-Западного и Центрального Кавказа, которое на протяжении значительного исторического периода было основным ареалом распространения культурного и военно-политического влияния Черкесии. В диссертации рассматриваются вопросы присутствия черкесского военного компонента в Крыму, Мамлюкском Египте, Османской империи, Русском государстве и др. регионах ойкумены.

Источниковая база диссертационной работы достаточно обширна. Изучая институты традиционной военной культуры черкесов, мы опирались, в первую очередь, на литературный материал XI – первой половины XIX в. Такое явление, как военная эмиграция черкесов в Киевскую Русь в период Раннего Средневековья, нашло отражение в древнерусских литературных источниках³³ XI–XII вв.

При отсутствии или недостаточном количестве письменных источников важное значение приобретают данные археологии³⁴.

³³ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. ст. и коммент. Д.С. Лихачева / СПб.: Наука, 1996. 667 с.; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

³⁴ Аксёнов В.С. К вопросу о единстве носителей кремационного обряда салтовского времени Подонцовья и Северо-Западного Кавказа // Хазарский альманах / Ред. кол.: О.Б. Бубенок (глав. ред.), В.Я. Петрухин (зам. гл. ред.) и др. М., 2017. Т. 15. С. 17–36; Бубенок О.Б. Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 12. Харьков, 2014. С. 34–68; Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Ценнейшим источником являются записки иностранных путешественников, побывавших в Черкесии и оставивших нарративные свидетельства. Они собраны В.К. Гардановым в книге «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.»³⁵. Фонд источников пополнился за счет опубликованных на русском языке работ таких авторов, как А. Фонвиль³⁶, Т. Лапинский³⁷, А. Жиль³⁸, Эмануэль де Пина³⁹, К. Тауш⁴⁰, Дж. Лонгворт⁴¹ и многие др. Среди литературных источников следует особо выделить труды черкесских просветителей Ш.Б. Ногмова⁴², Хан-Гирея⁴³, К. Атажукина⁴⁴, А.-Г. Кешева⁴⁵, которые содержат богатый этнографический и исторический материал. Важное значение имеют воспоминания и этнографические описания, сделанные И. Бларамбергом⁴⁶, М. Венюковым⁴⁷, Г.И. Филипсоном⁴⁸, И.П. Дельпоццо⁴⁹, Н.И. Лорером⁵⁰, М.Я. Ольшевским⁵¹, К.Ф. Сталем⁵², Ф.Ф. Торнау⁵³, А. Якубовичем⁵⁴ и другими русскими офицерами – участниками Кавказской войны.

³⁵ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (далее – АБКИЕА) / Сост., ред. переводов и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.

³⁶ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик: Эльбрус, 1991. Вып. I. С. 355–407.

³⁷ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа». 1995. 463 с.

³⁸ Жиль А.Ф. Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик: ГП КБР Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. 288 с.

³⁹ Неизвестные страницы Кавказской войны. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 210 с.

⁴⁰ Тауш К. Извлечения из «Заметок о черкесах», составленных немцем по имени Карл Тауш, который проживал восемь лет на служебном положении в Пшаде, близ порта Геленджик // Неизвестные страницы Кавказской войны. Историко-этнографическое издание. Составление, предисловие, перевод с французского и английского языков К.А. Мальбахова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. С. 38–39.

⁴¹ Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. 541 с.

⁴² Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.

⁴³ Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 672 с.

⁴⁴ Атажукин К. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1991. 251 с.

⁴⁵ Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1987. 272 с.

⁴⁶ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставропольское книжное изд-во, 1992. 240 с.

⁴⁷ Венюков М. Кавказские воспоминания (1861–1863) // Русский архив. М., 1880. Кн. 1. С. 400–448.

⁴⁸ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. М., 1884. Кн. 3. С. 241–356.

⁴⁹ Дельпоццо И.П. Записки о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. Т. I. С. 7–41.

⁵⁰ Записки Н.И. Лорера // Русский архив. М., 1874. Кн. 1. С. 361–408.

⁵¹ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2003. 606 с.

⁵² Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 53–173.

⁵³ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 1999. 492 с.

⁵⁴ Якубович А. Отрывки о Кавказе (Из походных записок) // Живая старина. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г. Мининформпечати КБР, 1993. № 3. С. 78–81.

Трудно переоценить значение фольклорных источников в разработке темы диссертации. Изучение фольклорного материала, исторических преданий, песен (тем более что большая часть песенного фольклора черкесов посвящена главной фигуре нашего исследования – черкесскому наезднику, воину) стало составной частью настоящей работы. Нами использованы фольклорные материалы, подготовленные и изданные в разные годы Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии и экономики (ныне – ИГИ КБНЦ РАН)⁵⁵.

Важным видом источников являются архивные материалы. Нами использованы документы, опубликованные в 1957 г. в двухтомном сборнике «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.»⁵⁶, материалы, содержащиеся в 12-томном издании «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»⁵⁷, отражающие основные этапы российской политики на Кавказе с 1762 по 1862 гг. и содержащие ценные данные по политическим и военным аспектам истории черкесов периода Кавказской войны.

Богатый материал по теме нашего исследования сосредоточен в фондах управления центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Российской Федерации.

В УЦГА АС КБР нами изучены материалы фондов 6, 16, 22, 23, 40, И-16, Р 1209, Р 183, содержащие дела о разбойных нападениях, конокрадстве, так называемых «передержательстве» и «пристанодательстве» абреков и др. Представляют интерес сведения о системе штрафов за раскрытое воровство скота и лошадей, устанавливаемых кабардинскими адатами (УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 521. Л. 50), а также нормы обычного права, не допускающие обращения

⁵⁵ Адыгэ Гуэрыгуатэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапӀэ, 1963. Т. 1. 339 с.; Адыгэ Гуэрыгуатэхэр. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапӀэ, 1969. Т. 2. 408 с.; Фольклор адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.; Фольклор адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1988. 270 с.; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Кабардино-Балкарский Ордена «Знак почета» институт истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. Т. 3. Ч. I. 264 с.; Ч. II. 487 с.

⁵⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. В 2-х томах. Т. 1. 478 с.; Т. 2. 424 с.

⁵⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Под редакцией А.П. Берже. Издательство: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского. В 12 томах. Т. 7. Тифлис, 1878. 1011 с.

в рабство похищенных людей свободных сословий (УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 986. Л. 145).

В РГВИА обнаружены сведения, касающиеся особенностей отношения черкесского общества к наездничеству (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1126. Л. 2), подготовки к наездническому образу жизни и института аталычества (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1130. Л. 12 об.), роли воинской славы и песенного фольклора в обретении политического авторитета в черкесском обществе (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 629. Л. 108). Анализ архивных дел позволяет сделать заключение, что, несмотря на установление в Кабарде в середине XIX в. российского военно-административного контроля, такие традиционные институты, как наездничество, барамта, система композиций, третейский суд не были изжиты из социальной практики, их функционирование проходило в трансформированной форме (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Ед. хр. 535). Большой фактический материал по военной организации черкесов и отработанной ими системе набегов содержится в фондах РГВИА 13454, 134, 73, 1130, 1137.

Богатый полевой материал по наездничеству и другим общественным институтам хранится в Научном архиве ИГИ КБНЦ РАН. В частности, такой специфический институт как «хашэ» (институт тайных доносчиков), связанный с функционированием традиционной судебной системы и наездничества, освещен нами на основе этнографического материала, хранящегося в Научном архиве ИГИ КБНЦ РАН (НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 11, 12, 12 «А»). Кроме того нами использованы отдельные документы из Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 23. Оп. 4. Д. 13. Ч. 3. Л. 34 – 35 об.; Ф. 23. Оп. 4. Д. 13. Ч. 8. Л. 5 об. – 6), Государственного исторического архива Грузии (ГИАГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 158. Л. 10; Ф. 416. Оп. 3. Д. 159. Л. 11) и Османского архива Турецкой Республики (ГГАОА. Ф. MV. Оп. 43. Ед. хр. 64. Л. 2). Документы из Государственного исторического архива Грузии и Османского архива Турецкой Республики извлечены и любезно предоставлены Р.К. Кармовым и М.-Р. Жанак (Альтодоко), за что выражаем им нашу признательность. Документы из Османского архива Турецкой Республики, как и полевой

материал, записанный у М.-Р. Жанак, свидетельствуют о сохранявшейся долгое время после переселения в Османскую империю у представителей кабардинской аристократии феодальной психологии, проявлявшейся в их отношении к военной службе.

При изучении истории и этнографии черкесов важное значение имеют записи обычного права. Из них нами привлечены «Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой пол. XIX в.»⁵⁸, а также «Постановления о сословиях в Кабарде» – запись обычного права, опубликованная в качестве приложения в книге Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа»⁵⁹.

В работе использован полевой этнографический материал, собранный автором в различных населенных пунктах КБР, а также у представителей зарубежной черкесской диаспоры. Ввиду того, что наездничество, как самостоятельный институт, перестало бытовать у черкесов с сер. XIX в., а в первой трети XX в. прекратило существование уже и в трансформированной (под названием «абречество») форме, полевой материал по данной теме не мог быть большим. Тем большую ценность имеет полученная информация об адыгских терминах, связанных с наездничеством и другими институтами военной культуры, многие из которых вышли из обихода и могут бесследно исчезнуть, если их не зафиксировать.

Сведения, касающиеся адыгской терминологии, связанной с традиционной военной культурой черкесов, были получены в свое время от сотрудников Национального музея КБР Х.Х. Яхтанигова и Ф.Я. Дугужа. При составлении тематического словаря, прилагаемого к диссертации использованы работы Ш.Б. Ногмова⁶⁰, Х.М. Думанова⁶¹, А.И. Черкесова⁶², Б.Ч. Бижоева⁶³, А.С. Кишева⁶⁴,

⁵⁸ Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой пол. XIX в. // Сост., введ. и примеч. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 1986. 320 с.

⁵⁹ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.

⁶⁰ Ногма Ш.Б. Кабардино-русский словарь (черновые материалы) // Филологические труды. Т. 1. Научно-исследовательский институт при Совете Министров Кабардинской АССР. Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 306 с.

⁶¹ Думэн Хь.М. Адыгэхэм я даудапшэхэр: этнографие терминхэм я псальгальэ кIэщI. Налшык: 1905 гъэм екIуэкIа Революцэм и цIэкIэ Полиграфкомбинат, «Эль-Фа» тхыль тедзапIэ центр, 2006. 216 н.

Т.М. Катанчиева⁶⁵, а также словарь кабардино-черкесского языка⁶⁶. Часть сведений заимствована из неопубликованной рукописи М.А. Тохова, любезно предоставленной автором для использования в нашей работе, за что выражаем ему искреннюю признательность. Тематический словарь включает около 350 терминов.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

- военную культуру правомерно выделить как отдельную подсистему в рамках традиционной культуры черкесов. Являясь составной и органической частью этнической традиции, она имела свои специфические характеристики, обусловленные особенностями исторического развития народа и страны. В Раннее и Позднее Средневековье и до последних дней независимого существования Черкесии основная базовая личность адыгского общества – это воин, а доминирующая тема – военная культура (милитаризованный быт);
- на формирование и эволюцию традиционной военной культуры черкесов оказало влияние множество факторов: природно-географический, внешнеполитический, социально-экономический, а также фактор интеграции черкесской феодальной элиты в военно-государственную систему других государств;
- военные аспекты пронизывали традиционную культуру, придавая милитарную специфику таким ее институтам и атрибутам, как куначество, гостеприимство, рыцарский этикет, право войны и др. Непосредственное отношение к институтам военной культуры имели такие феномены исторической жизни черкесов, как наездничество (зекIуэ), абречество, организация «шупщыIэ», аталычество, институт вассалитета «уэркъ тын», военное отходничество, военное рабство, выезд на службу, опосредованное – институты «хашэ» и «барамтэ»;

⁶² Шэрджэс Алий. Яхуэмыфащэу лъэныкъуэ едгъэза псалъэхэр (Адыгэ псалъэгъэнахуэм щыгъужыпхъэхэр). Налшык: Издательство КБИГИ, 2009. 172 с.

⁶³ Бижоев Б.Ч. Военная лексика в адыгских языках // Вестник института гуманитарных исследований Правительств КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2010. Вып. 17. Ч. I. С. 156–167.

⁶⁴ Къыщ Хьэзрэтэлий. Тефлъхъэ фи шым уанэр. Налшык: Эльбрус, 2003; Кишев А.С. О «тайных» языках адыгов // Советская этнография. М., 1986. № 4. С. 111–116.

⁶⁵ Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право, его особенности. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 194 с.

⁶⁶ Адыгэбзэ псалъалъэ. Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. М.: «Дигора», 1999. 852 с.

- институт наездничества обладал разветвленными социальными функциями, но прежде всего это был эффективный механизм реализации военных задач, стоявших перед черкесским обществом; средством поддержания высокой военной мобильности;
- традиционные институты были феодализованы. Наездничество (зекІуэ), с одной стороны, отражало классовую структуру традиционного черкесского общества, с другой, способствовало ее закреплению и консервации. Занятие наездничеством было обязательной неотъемлемой частью социального статуса адыгской феодальной знати (князей и дворян), среди представителей крестьянских сословий оно хотя и не запрещалось, но и не имело широкого распространения;
- организация «шупщыІэ», являвшаяся одной из форм функционирования института «зекІуэ», носила классовый характер. Членство в этой организации – исключительная привилегия князей и дворян, представителям крестьянских сословий доступ в нее был закрыт;
- наездничество, будучи широко распространенным и высокопрестижным занятием для княжеско-дворянской элиты, в экономике Черкесии не играло существенной роли. Его культивирование в обществе было обусловлено причинами не экономического, а политического и этикетного характера. В этом заключалось существенное отличие черкесского наездничества от подобного института у народов Восточного Кавказа;
- особенности этнической культуры и менталитета нашли отражение в военных обычаях черкесов. Воинственность черкесов сочеталась с чрезвычайно сложной системой традиций, этикета, которая облагораживала эту черту народного характера, ритуализовывала ее, что, в конечном счете, привело к созданию рыцарского воинского этоса со своей самобытной культурой;
- воинственность, подразумевающая любовь к воинской славе, благородство (этика войны) и аристократический этикет (внешние атрибуты поведения) – основные составляющие рыцарства как исторического явления в средневековой Черкесии. Материальной основой существования рыцарства как социального

класса, сословия феодального общества было наличие у их представителей дорогостоящего комплекса наступательного и оборонительного вооружения, а также всадническое искусство, не доступное в этот исторический период большинству населения – крестьянству и другим сословиям;

– рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ», соционормативные установки черкесов, регулировавшие поведение человека на войне, свидетельствуют о существовавшей у них развитой «культуре войны» в лучшем, гуманитарном смысле этого понятия;

– абречество было порождением милитаризованного быта черкесского социума. По своим внешним проявлениям абречество имело сходство с наездничеством, а на более поздних этапах своего бытования они часто отождествлялись. Но изначально это разные общественные явления, со своей природой и происхождением, поэтому абречество необходимо рассматривать как самостоятельный институт;

– эффективная система воинской подготовки и большой удельный вес в социальной структуре населения воинского класса приводили к широкому оттоку в другие страны черкесских воинов, их широкой вовлеченности в процессы военной эмиграции, военного рабства, военного отходничества и выезда на службу. Перечисленные формы интеграции и инкорпорации черкесов в военные структуры других государств имели специфические отличия и оказывали влияние на военную культуру как этих государств, так и самих черкесов.

Достоверность и обоснованность научных положений и выводов обусловлены избранными методами теоретического исследования, которые адекватны его объекту, предмету, целям и задачам, а также непосредственным изучением источников.

Соответствие темы диссертации требованиям номенклатуры специальностей научных работников АНА. Соответствует номенклатуре специальностей научных работников, утвержденной постановлением президиума Академии наук Абхазии от 04.04.2017, – 07.00.07 (этнография, этнология и антропология).

Научная апробация исследования. Основные положения диссертации изложены в двух монографиях⁶⁷ и серии статей; докладывались на международных научных конференциях и сессиях. По теме диссертации опубликовано свыше 20 работ. Материалы и выводы диссертационного исследования нашли отражение в коллективном академическом труде «Адыги» из серии «Народы и культуры»⁶⁸.

Структура диссертации построена в соответствии с ее целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 15 параграфов, заключения, тематического словаря, списка архивных источников и литературы, списка информантов, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, обозначены цели и задачи исследования, определены хронологические и географические рамки, охарактеризована методологическая основа, приведены сведения о степени разработанности проблемы и источниковой базе исследования, аргументирована научная новизна, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, дано обоснование соответствия диссертации паспорту научной специальности, выявлены теоретическая и практическая значимость работы, помещены сведения об апробации результатов работы и структуре диссертации.

Глава I – *Милитаризованный быт и статус воина в черкесском обществе* – состоит из 7 параграфов. В **первом параграфе – *Исторические предпосылки формирования военной культуры, особенности этнической культуры*** – рассматриваются внешние и внутренние условия существования черкесского со-

⁶⁷ Марзей (Мирзоев) А.С. Черкесское наездничество «ЗекІуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 302 с.; Мирзоев А.С. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.

⁶⁸ Адыги: Адыгейцы, Кабардинцы, Черкесы, Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. М.: Наука, 2022. С. 374–415.

циума. Постоянная угроза внешней экспансии, междоусобные войны, политическая нестабильность, отсутствие централизованного государства с единой армией и другими атрибутами, немногочисленность этноса сделали необходимым появление институтов военной культуры, способствовавших сохранению древней самобытной культуры и цивилизации черкесов, жизнестойкости черкесского общества.

Второй параграф – Воинский культ и статус воина в черкесском обществе. Одним из механизмов социокультурной адаптации социума стала милитаризация быта феодальной Черкесии с сопутствующей профессионализацией военного дела. Материалы археологии, многочисленные воинские всаднические захоронения на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа свидетельствуют о том, что воинский класс у предков черкесов сложился уже в VI–VII вв. до н.э. Носителями милитарных навыков и традиций сначала были представители родовой верхушки, а затем сложившегося феодального класса: черкесские князья (пши) и многочисленное, возглавляемое ими, сословие дворян (уорков). В сложнейших геополитических условиях исторического развития Черкесии важнейшей задачей, которую социум возложил на княжеско-дворянскую элиту, была защита свободы и независимости от посягательств извне. Военное ремесло составляло исключительное занятие уорков. Представителям господствующих классов было предосудительно заниматься производственной деятельностью, торговлей (за исключением торговли рабами, захваченными в набегах), наукой. Морально-психологический статус воина, его положение в черкесском обществе были настолько велики, что при жизни он пользовался особыми правами, а после смерти удостоивался особых почестей.

В Черкесии сложился специфический воинский культ: ни один представитель высшего сословия не мог рассчитывать на политическое влияние в обществе, если достойно не проявил себя на воинском поприще. Проявленная воинская доблесть могла послужить причиной повышения социального статуса, а ее отсутствие – понижения в сословной иерархии. Составной частью воинского культа у черкесов являлось почитание оружия. Среди материальных ценностей

предметы вооружения занимали первое место, что нашло отражение в системе композиций, выплате так называемой «цены крови», калыма, в обычаях преподнесения дипломатических даров и установления различного вида социальных отношений (вассально-сюзеренных, искусственного родства и т.д.). Обезоруживание человека считалось тягчайшим оскорблением личного достоинства, для недопущения этого владельцы оружия готовы были жертвовать жизнью.

Отражением воинского культа явилась поэтизация военного дела и увековечивание его выдающихся представителей в произведениях устного народного творчества.

Носителям воинского культа были присущи определенные принципы, особая психология и менталитет.

Воинский класс Черкесии составляло не только дворянство (уорки), но и многочисленное (особенно на Северо-Западном Кавказе) сословие свободных общинников (тфокотлей). Все свободные сословия были вооружены и обязаны защищать свободу и независимость родины. Представители духовенства вели такой же, как и представители высших сословий, военный образ жизни. Для представителей низших сословий война была важным средством социальной мобильности: крестьянин, неоднократно проявивший храбрость во время сражений, мог быть возведен в дворянское звание.

В третьем параграфе – *Институт наездничества «зеклуэ».* Организация «шупцылэ» – рассматривается один из общественных институтов адыгского феодального социума – институт наездничества «зеклуэ», с сопутствующими атрибутами: идеологической базой, обрядами, ритуалами, определенными, жизненно важными для общества, функциями. Обычай наездничества, как важный механизм поддержания военной мобильности, входивший в особую систему воинской подготовки, способствовавший сохранению национальной независимости, культивировался в обществе и был освящен нормами обычного права.

«Зеклуэ» – черкесский термин, означающий военный поход с целью захвата добычи и приобретения славы за пределами малой родины. Шесть месяцев в

году (весна, осень) черкесская элита проводила в набегах, которые носили обязательный ритуальный характер.

«ЗекIуэ» различалось в зависимости от того, где и при каких условиях оно совершалось:

- внутри своего этнического подразделения, но за пределами своего села, рода, удельного княжества;
- на территории соседних родственных этнических групп, т.е. в Черкесии;
- за пределами Черкесии, на территории других народов;
- во время мира;
- во время войны;
- на территории народа, с которым нет союзных отношений;
- на территории народа, с которым заключен союзный договор;
- в форме воровства, т.е. скрытого похищения;
- в форме открытого вооруженного нападения, грабежа;
- набег для славы;
- набег для добычи.

Согласно нормам черкесского обычного права, набеги за пределами своей общины, клана, на территории других кланов или народов, с которыми не было взаимных союзных обязательств, не считались преступлениями. Но покушение на чужое имущество признавалось воровством, если оно сделано в своем обществе или в обществе, с которым заключен союзный договор. Были общие правила, соблюдавшиеся на всей территории Черкесии: нападению не могли подвергаться путники, путешественники, купцы⁶⁹; в сезон наездничества объектами для захвата и продажи в рабство могли быть только крепостные крестьяне и рабы.

Военные походы черкесов не ставили целью захват и удержание новых территорий. «ЗекIуэ» предполагало всегда возвращение на родину.

⁶⁹ Люлье Л.Я. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Материалы для истории черкесского народа. Нальчик: Эльбрус, 1991. Вып. I. С. 346.

Скоротечные набеги были частью традиционной военной тактики, определявшейся социальной структурой, этнополитической ситуацией, природно-географическими условиями, и широко использовались черкесскими князьями для подчинения соседних горских народов. Они также были немаловажным рычагом в политической борьбе черкесских князей между собой.

«ЗекІуэ» можно рассматривать и как способ ведения боевых действий в ходе национально-освободительной войны. При обороне своей территории черкесы придерживались преимущественно наступательной тактики, навыки и элементы которой как раз и отрабатывались во время «зекІуэ».

Занимая важное место в жизни черкесского общества, наездничество взаимодействовало с другими традиционными институтами (куначество, гостеприимство, взаимопомощь).

Одной из важных форм функционирования наездничества как социального института являлись ежегодные сезонные лагерные сборы адыгской знати для совершения набегов – организация «шупщыІэ». Эти сборы носили тайный, закрытый характер. Членство в этой организации было исключительной привилегией князей и дворян. Представителям крестьянских сословий доступ в нее был закрыт. Весенние и осенние сезоны, проводимые в поле, были серьезной школой военного воспитания черкесской молодежи. Здесь происходила социализация юношей, передача знаний от старшего поколения младшему. Старые воины обучали молодых владению оружием, конем, тактическим приемам, применяемым во время набегов, умению ориентироваться на местности, переносить тяготы военных походов.

Важная функция организации «шупщыІэ» – охрана подданных во время сельскохозяйственных работ, так как в сезон наездничества князь со своей свитой не только совершал набеги, но и должен был предпринимать меры предосторожности, чтобы предотвратить похищение людей, угон скота и лошадей из своих владений.

Некоторые признаки (тайный характер, закрытость, террор по отношению к другим членам общества, не имеющим доступа в нее) позволяют предполо-

жить, что организация «шупшыІэ» связана с древнейшими мужскими союзами периода родоплеменного строя. В условиях феодализма она трансформировалась и стала носить классовый характер.

Четвертый параграф – *Добыча или слава. Причины и мотивы военных походов.* В черкесском обществе отношение к добыче, нормы ее раздела были связаны с действующими институтами, обычаями, этикетными ценностями, особенностями взаимоотношений внутри господствующего класса.

Нормы раздела добычи различались в зависимости от социальной структуры класса феодалов разных этнических групп черкесов (аристократических – демократических), условий захвата добычи (в сезон наездничества, в ходе междоусобных войн или войн с соседними народами) и некоторых других факторов. По обычаю, князья и дворяне не имели право оставлять себе захваченную военную добычу (за исключением трофейного оружия и новой одежды, справленной на вырученные от продажи пленных деньги). Все остальное они раздавали своим подвластным, родственникам и знакомым. Истинный наездник в представлении черкесов должен быть щедрым, раздавать все, что добывает во время походов, особенно нуждающимся, сам же должен избегать роскоши, домашнего уюта, комфорта. Таким образом, отношение черкесских наездников к добыче было весьма своеобразным: с одной стороны, они рискуют жизнью, преодолевают множество препятствий и трудностей, отказывают себе во многих удовольствиях, не видят месяцами свои семьи, а с другой, удивительно легко расстаются с материальными благами, добытыми в походах. Ответ на этот вопрос невозможно найти, если искать его в сфере материального интереса, без учета факторов, находящихся в области этикетных ценностей, господствовавших в черкесском обществе⁷⁰. К числу таких нематериальных ценностей, имевших огромное значение в жизни черкесов, относилась слава, прежде всего военная. Добыча – всего лишь свидетельство, знак храбрости, воинской отваги наездника, но никак не самоцель. Чтобы добиться славы (а слава в феодальной

⁷⁰ Керашев А.Т. Социальная сущность адыгского наездничества // Культура и быт адыгов. Майкоп: АНИИЭЯ-ЛИ, 1991. Вып. VIII. С. 167–186.

Черкесии была синонимом власти), князья должны были выделиться, прежде всего, своей храбростью и удачливостью на войне, а также своей щедростью. Только таким образом они могли привлечь к себе больше вассалов, являвшихся основой их военного и политического могущества. Политическое устройство черкесского феодального общества имело ту особенность, что здесь, образно говоря, решающую роль играл не авторитет власти, а власть авторитета. Щедрость, как и храбрость, была в Черкесии обязательным качеством для знати. Особенно это важно было для князей, стоявших во главе феодальной иерархии.

Будучи широко распространенным явлением в общественно-политической жизни, наездничество в экономике Черкесии не играло значительной роли. В основе хозяйственного, экономического благосостояния Черкесии лежали благоприятные природно-географические, климатические условия и производительный труд крестьянства – основной массы населения. Немаловажное значение имели и такие факторы, как большая территория, выход к морю и значительная по размерам внешняя торговля. Потенциальные возможности экономики, а также особенности общественного устройства (обычаи взаимопомощи, куначества и др.) обеспечивали большинству населения достаточно высокий уровень жизни. Только постоянная внешнеполитическая напряженность препятствовала повышению этого уровня. Разумный в таких условиях аскетизм, неприятие духа накопительства и стяжательства были в целом характерны для народа, включая и представителей знати.

Идеальные мотивы, превалировавшие над материальными, отличали наездничество черкесов от аналогичного явления у соседних народов. У многих народов Северного Кавказа наездничество и набеги, помимо выполнения функции поддержания высокой военной мобильности, в значительной степени имели под собой экономическую основу. Больше всего это было характерно для горских обществ, где в неблагоприятных климатических условиях высокогорья, недостатка пахотных и пастбищных земель, население вынуждено было заниматься этим промыслом из-за бедности.

Пятый параграф – Система обычного права и механизмы регулирования общественных отношений, связанных с наездничеством (институты «хашэ», «барамтэ»). Правовые обычаи адыгов узаконивали наездничество, если оно происходило за пределами общества (клана, общины, субэтнической группы). Убийства, похищения скота, лошадей, пленение людей, сопровождавшие наездничество, считались преступлениями, если они совершались внутри общества. Расследование, раскрытие преступлений, наказание преступников и удовлетворение потерпевших в условиях отсутствия государственного аппарата в виде полиции, органов дознания, осуществлялось с помощью традиционных общественных институтов.

Среди механизмов, выполнявших функции дознания и взыскания материального ущерба, были институты «хашэ» и «барамтэ». «Хашэ», или негласный доказчик – это свидетель преступления (воровства, убийства и т.д.), который указывает потерпевшему преступника и сообщает подробные обстоятельства преступления (место, время и т.д.). Черкесы считали доносительство предосудительным, постыдным, «хашэ» не уважали, но, тем не менее, пользовались их услугами. Дворяне, ни при каких обстоятельствах, не могли быть «хашэ», так как это было несовместимо с их сословным статусом. В равной мере это касалось и женщин дворянского происхождения. Для крестьян это было допустимым, хотя и в их среде доносительство осуждалось, и такие люди не пользовались уважением. Но в отличие от дворян, которых за донос могли лишиться дворянского звания и опустить в социальной иерархии на низшие ступени, крестьянам это не грозило.

К обычаю барамтования обращались в тех случаях, когда личность преступника не была установлена, но имелись улики о его принадлежности к той или иной фамилии, деревне, даже народности, то есть, когда отсутствовал один из атрибутов судопроизводства – ответчик. Обычай «барамтэ» широко практиковался черкесами как один из способов внесудебного или предваряющего судебное разбирательство метода разрешения крупных конфликтов. Основной целью посреднических усилий было стремление предотвратить эскалацию

конфликта и добиться в ходе переговоров возмещения материального ущерба. Барамта была престижной в феодальных кругах. Этот институт носил ярко выраженный классовый характер, являясь прерогативой исключительно высших сословий.

В ходе Кавказской войны и последующей интеграции черкесов в правовое пространство Российской империи происходила трансформация общественных институтов. Имперская администрация в процессе установления на Северном Кавказе российской административно-правовой системы старалась на первых порах сохранять основные элементы традиционной соционормативной культуры коренных народов, что выражалось в использовании трансформированных институтов медиаторских (посреднических) судов, тайных доказчиков, барамты в работе судов, создаваемых российскими властями в регионе. Многие традиционные институты черкесского общества, такие как наездничество, кровная месть, сбор дворянского ополчения, аталычество, барамта были запрещены или ограничены. При этом барамта использовалась самой российской администрацией, хотя по существу это была уже не традиционная барамта, а фактически система репрессалий и штрафов по отношению к отдельным людям и целым обществам, использовавшаяся как средство наказания, давления и принуждения при установлении российских административных порядков. Самостоятельное использование местным населением барамты, без санкции российского начальства, было запрещено и должно было наказываться по российским уголовным законам.

Шестой параграф – *Институт абречества*. Абречество – явление, характерное для многих народов Кавказа в прошлом. Этот институт имеет древние корни, уходящие в эпоху родового строя.

С развитием общества он подвергался постоянной трансформации, особенно в период классового феодального общества. Следующий этап трансформации он претерпел во время Кавказской войны и борьбы черкесов за свою независимость. С окончанием войны и установлением колониальной юрисдикции абречество продолжало бытовать вплоть до Октябрьской революции. В Кабар-

де, а также у закубанских черкесов уже после революции, в первые годы Советской власти, во время коллективизации имели место отдельные рецидивы абречества. Термин «абречество» в эпоху родоплеменного строя, период феодализма, в XIX в., во время Кавказской войны и позже, в колониальный период, имел не совсем идентичное содержание.

Для традиционного кавказского абречества характерны следующие признаки:

– эти люди – изгои, они находились вне рамок общества. Ими порывались социальные, родственные, семейные связи, они не признавали никаких привязанностей;

– подобное состояние или статус мог приобретаться добровольно. Такой переход сопровождался клятвой или обетом. Чаще всего изгоями становились не по своей воле, а вынужденно;

– их отличала чрезвычайная воинственность, агрессивность и поскольку она не сдерживалась принятыми в обществе нормами поведения, то эти люди были опасны для общества;

– в связи с их асоциальным статусом в юридическом смысле они были беззащитны. Любой человек мог убить их, не опасаясь кровной мести или каких-либо иных последствий со стороны членов их рода. Права и обязанности, связывающие их со своим родом, были прерваны;

– они не ценили ни свою, ни чужую жизнь, готовы были всегда применить оружие;

– несмотря на свою асоциальную суть и опасность для окружающих, общество мирилось с их существованием, люди не отказывали им в еде и временном ночлеге. В случае же крайней необходимости, особенно во время войны, их охотно привлекали для помощи;

– эти люди не имели никакой собственности, земли, постоянного места жительства, работы, основным источником их существования являлись война и связанные с ней добыча и трофеи;

– они вели аскетический суровый образ жизни, избегали увеселений, не имели семьи и часто запрещали себе любые, даже внебрачные, связи.

Седьмой параграф – *Трансформация институтов наездничества и абречества в ходе исторического развития.* Общественные институты, зародившись в определенную эпоху, в определенных социально-политических условиях, с течением времени, с изменением этих условий эволюционируют и переживают в своем развитии кризисы и трансформации.

Изначально сфера действия института наездничества была строго направлена за пределы страны. Это просматривается на примере Кабарды относительно позднесредневековой ее истории (XV– начало XVI в.), о чем свидетельствуют фольклорные данные. Но уже с середины XVI в., согласно архивным источникам, появляются первые симптомы кризиса института, когда традиции наездничества переносятся на внутривнутриполитические отношения. В период неутраченных, с небольшими перерывами, княжеских междоусобий, на протяжении двух столетий (с середины XVI в. до второй половины XVIII в.) набеги внутри Кабарды превращаются в исключительно деструктивный фактор для социально-политического и хозяйственно-экономического развития страны.

Следующий этап трансформации институт наездничества претерпевает в период Кавказской войны и утверждения российской военно-административной системы на Кавказе. Жесткие законы, направленные против разбоев, грабежей и воровства внутри Кабарды, устанавливаются во время шариатского правления (1790–1821 гг.). В этот период наивысшей консолидации Кабарды набеговая активность проявляет себя исключительно вовне, переносится на кордонную линию и превращается в составную часть антиколониальной борьбы. Решениями общенациональных съездов западных черкесов (Майкопского 1841 г., Адагумского 1848 г.) вводятся строгие санкции, призванные пресечь набеги внутри Западной Черкесии на территории складывающегося

союзного государственного образования шапсугов, убыхов, абадзехов и натухайцев⁷¹.

С распространением шариатского движения в Кабарде и Западной Черкесии война приобретает религиозную окраску: набеги на вражескую территорию становятся частью священной войны за веру (газавата), а погибшие в набегах приравниваются к шахидам. Причем старая традиционная идеология наездничества не вытесняется новой религиозной, а дополняется ею. Черкесский наездник, жертвуя своей жизнью, наряду с земной славой одновременно удостоивается и загробной награды. Эта тенденция находит отражение в социальном составе участников набегов. Теперь в них все большее участие принимают представители низших сословий, а в роли предводителей нередко выступают наряду с князьями и дворянами выходцы из крестьянства и духовенства.

В ходе Кавказской войны с установлением российского контроля на завоеванных территориях, колониальные власти определяют наездничество термином «абречество». Абречество приобретает новое содержание, существенно отличающее его от традиционного института. Слово «абрек» становится синонимом «немирных горцев» – людей, ведущих партизанскую вооруженную борьбу против имперской власти. Они становятся абреками не в понимании обычного права адыгов, а по законам Российской империи. Абречество в этот период является одной из форм национально-освободительного движения, выражением политического протеста части адыгского общества (в основном князей и дворян) против колониальных порядков.

В народном сознании также происходит трансформация понятий «абрек» и «абречество»: часто понятие «абречество» подразумевает рецидивы наездничества. Действительно, абречество по своим внешним проявлениям имело сходство с наездничеством, хотя изначально это разные общественные явления, со своей природой и происхождением. Прослеживается определенная, причем, односторонняя, связь между ними: все абреки занимались наездничеством, но не все наездники были абреками. Для абрека, исключенного из общественной

⁷¹ Скарятин В.Д. Заметки о Кавказе // Отечественные записки. Санкт-Петербург, 1862. № 5. С. 345.

жизни, занятие наездническим промыслом было основным источником существования. Охота и гостеприимство, дававшие время от времени пищу и кров, не были постоянными факторами стабильного жизнеобеспечения. Кроме того, наездничество для абреков было не только способом добывания средств существования, но и способом поддержания своего особого, если и не самого высокого в социальной иерархии, то требующего уважения, статуса. В милитаризованном адыгском обществе наездничество было высокопрестижным занятием, поэтому абреки должны были соблюдать определенный кодекс поведения и правила, регулирующие институт наездничества. В противном случае, они лишались народного уважения и опускались на уровень обыкновенных грабителей, убийц и разбойников, то есть людей, не отягощенных никакими моральными ограничениями.

После окончания Кавказской войны и полного установления российского административного контроля наблюдается вырождение наездничества: оно замещается конокрадством и другими видами воровства. Абречество также постепенно сходит с исторической сцены. Последние массовые рецидивы абречества, позволяющие говорить о нём как об общественном явлении, имели место в 30-х гг. XX столетия. Отчасти это было связано с установлением в стране Советской власти, коллективизацией и массовыми репрессиями. В этот период абречество носило характер социального протеста против новых порядков и приобрело, в некоторой степени, политическую окраску.

Глава II – Система подготовки к воинской жизни – состоит из 4 параграфов. **Первый параграф – Общественная идеология и быт** – посвящен идеологическим представлениям и ценностям, господствовавшим в черкесском обществе. Огромное значение в воспитании воинского духа в молодежи играл песенный фольклор. Черкесская песня, прославлявшая воина-наездника и его подвиги, сопровождала его от рождения до смерти. Говоря о системе подготовки к воинской жизни и тех идеалах, которые царили в черкесском обществе, нельзя не сказать о том, какую роль играла в этом женщина. Дух своеобразного рыцарства, который жил в черкесских женщинах, нашел отражение во многих

историко-героических и эпических преданиях черкесов. Провожая своих сыновей, братьев и мужей на войну, черкешенки ждали их возвращения с победой и, если этого не происходило, они холодно встречали их, еле разговаривали с ними до тех пор, пока они новой победой не реабилитировали себя в их глазах. Т. Мариньи писал в связи с этим, что черкешенки «любят славу, и у них вызывает гордость слава их мужей, добытая в боях»⁷².

Во втором параграфе – *Институт аталычества, институт «гьусэ»* – рассматривается институт аталычества, занимавший, наряду с наездничеством, ключевое место в системе подготовки к воинской жизни. В период феодализма аталычество бытовало в основном в среде княжеских и дворянских фамилий, в которых дети, как правило, получали воспитание в чужих семьях. Воспитание у аталыка ставило целью, прежде всего, получение воспитанником (каном) военно-физической подготовки, а также обучение черкесскому этикету и народным обычаям. Искусству наездничества молодой воспитанник начинал обучаться непосредственно под присмотром аталыка, совершая небольшие кражи лошадей и скота в близлежащих окрестностях. Ближе к совершеннолетию, воспитанник под руководством опытных наездников уже принимал участие в дальних походах. При этом большая часть приобретенной им в набегах добычи принадлежала, по обычаю, воспитателю. Первый самостоятельный крупный набег, совершенный под руководством молодого воспитанника, являлся своеобразным экзаменом и свидетельством того, что его воспитание у аталыка завершено.

В системе воинской подготовки у черкесов в прошлом существовал еще один институт, призванный совершенствовать первоначальное воспитание, полученное у аталыка. Этот институт обозначался адыгским термином «гьусэ» (спутник). Смысл его заключался в следующем: юноша искал опытного, составившего себе имя, наездника и просил взять его в ученики.

С 20-х гг. XIX столетия, с поэтапным установлением на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа российского военно-административного

⁷² Мариньи де Т. Путешествия в Черкесию // АБКИЕА. С. 310.

контроля, ключевые институты традиционной черкесской военной культуры были существенно ограничены или запрещены полностью под угрозой уголовного наказания. В частности, со времен прокламации генерала А.П. Ермолова в 1822 г. кабардинским аристократам было запрещено отдавать своих детей на воспитание за пределы Кабарды. Но внутри самой Кабарды вплоть до установления здесь Советской власти обычай аталычества продолжал функционировать в аристократической среде. В пореформенное время аталычество, имевшее место в Кабарде, утратило часть присущих ему ранее общественных функций, таких, например, как укрепление сюзеренно-вассальных отношений между князьями и бравшими на воспитание их детей дворянами. Ушла в прошлое также его военная составляющая, когда воспитанникам прививали навыки, связанные с обычаем наездничества. Основной функцией аталычества в это время осталась функция воспитательная – привитие детям аристократического этикета, правил хорошего тона в рамках общенационального черкесского этикета – адыга хабза⁷³.

Третий параграф – *Институт вассалитета «уэркъ тын», рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ»*. В период Позднего Средневековья основу военных сил черкесских феодальных политий и возглавлявших их князей составляло профессиональное доспешное войско из вассально зависимых дворян (уорков). Договорные отношения, заключавшиеся между владельцами и поступающими к ним на службу дворянами, оформлялись в рамках института «уэркъ тын», нормы которого определяли права и обязанности сторон. Отношения внутри господствовавшего класса регулировались нормами феодального обычного права «уэркъ хабзэ». Система уорк хабза включала в себя не только нормы обычного права, но и представляла собой своеобразный кодекс принципов и ценностей рыцарской чести. Черкесское дворянство, девизом которого было «хабзэрэ зауэрэ» (честь и война), выработало свой рыцарский моральный кодекс. Многие его положения, несомненно, вытекают из военного образа жизни и связанных с

⁷³ Кушхов Х.С. Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2011. С. 135.

ним норм поведения. Адыгский этикет – «адыгэ хабзэ» лежал в основании, являлся фундаментом так называемого «уэркъ хабзэ» – дворянского этикета. Уорк хабза отличался более строгой организацией, требовательностью к своим носителям.

В четвертом параграфе – Обычаи (право) войны – исследуется система нравственных и этических норм черкесов, регулировавших отношения людей во время войны. В современном международном гуманитарном праве подобная система определяется терминами «право войны» или «обычаи войны». Развитая соционормативная культура, влиявшая и на военную сферу, наличие множества моральных, нравственных и других норм и принципов, регулировавших положение человека на войне, позволяют говорить о наличии у черкесов традиционной развитой «культуры войны» в лучшем, гуманитарном смысле этого понятия.

Глава III – Инкорпорация черкесов в военные структуры других государств и ее влияние на военную культуру – состоит из 4 параграфов. **Первый параграф – Военное отходничество (наемничество)**. Важнейшей страницей в истории черкесов является традиция их военного служения вне родины, в составе военных структур и вооруженных сил других государств.

Иноземная военная служба черкесов приобретала разные формы: военное отходничество, военная эмиграция, военное рабство, выезд на службу.

Военное отходничество черкесов в период Позднего Средневековья имело широкую географию, включавшую Ближний Восток, Малую Азию, Восточную Европу, Закавказье, Иран и др. Наем черкесских дружин монархами соседних государств мог иметь как постоянный, так и разовый характер – на период одной военной кампании. Социальный состав отрядов черкесских наемников был разнородным (князья-пши, дворяне-уорки, свободные общинники-тфокотли). Во главе таких отрядов всегда стоял пши или уорк. Основную массу составляли уорки. Чем знатнее был предводитель, тем большее количество воинов он мог увлечь за собой в другую страну. Среди мотивов, побуждавших черкесских воинов отправляться в другие страны, наряду с желанием приобретения воин-

ской славы и реализации воинского духа, материальное вознаграждение занимало не последнее место.

Второй параграф – Военная эмиграция. В период Раннего Средневековья имело место такое явление, как военная эмиграция. Она отличалась от военного отходничества тем, что происходило переселение не отдельных лиц и групп воинов, а целых народов, племен и кланов. Военная эмиграция черкесов в Киевскую Русь в период Раннего Средневековья нашла отражение в древнерусских литературных источниках XI–XII вв.⁷⁴

По мнению некоторых исследователей, значительная часть сельского (хуторского) населения по берегам Днепра к югу от Киева состояла из адыгов (касогов)⁷⁵. Длительное совместное проживание касогов, восточных славян, финно-угров на южных землях Восточной Европы подтверждается данными топонимики и других отраслей языкознания⁷⁶. Военная эмиграция черкесов в Киевскую Русь продолжалась вплоть до монгольского нашествия.

Материалы археологии свидетельствуют о переселении с Северо-Западного Кавказа касогов в 40-х гг. VIII в. в бассейн верхнего течения Северского Донца, представлявший собой самостоятельный регион северо-западной части Хазарского каганата⁷⁷.

Третий параграф – Система военного рабства. В эпоху Средневековья и Нового времени система военного рабства в исламских государствах занимала важное место и являлась основой их военной мощи. Образование султаната мамлюков Египта и Сирии, ведшего частые войны, дало мощный импульс черноморской работоторговле. Пополнение военно-феодалного класса мамлюкского Египта шло с Северного Причерноморья и Кавказа, откуда в больших количе-

⁷⁴ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. ст. и коммент. Д.С. Лихачева / СПб.: Наука, 1996. С. 202–203; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 117.

⁷⁵ Гатцук В. Черкесы (Исторический очерк) // Юная Россия. М., 1906. № 10. С. 312.

⁷⁶ Федорова М.В. Констативные факты в Восточной Европе // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1995. № 3–4. С. 125–133.

⁷⁷ Аксёнов В.С. К вопросу о единстве носителей кремационного обряда салтовского времени Подонцовья и Северо-Западного Кавказа // Хазарский альманах / Ред. кол.: О.Б. Бубенок (глав. ред.), В.Я. Петрухин (зам. гл. ред.) и др. М., 2017. Т. 15. С. 17–19; Бубенок О.Б. Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 12. Харьков, 2014. С. 34–68.

ствах стали завозить невольников (аланов, тюрков, славян, черкесов). Черноморская работорговля в период с начала XIII и до начала XVI в. была по большей части ориентирована на систему военного рабства⁷⁸. Начиная с XIV в. определяющую роль в мамлюкской системе начинают играть черкесы, поскольку большую часть воинов для нее поставляла Черкесия⁷⁹.

Черкесы попадали в Египет двумя путями: через невольничий рынок и приезжали сами. Во многих случаях под внешней формой приобретения рабов для отправки в Египет скрывался наем (рекрутинг) молодых черкесов на военную службу как одна из разновидностей социального лифта. Молодые юноши из бедных крестьянских семей, стремившиеся изменить свой социальный статус, прославиться и достичь высокого положения в Египте, но не имеющие возможности добраться туда самостоятельно, прибывали в один из портов черноморского побережья Кавказа. Здесь они формально «продавали» себя специальным торговым агентам и купцам, специализировавшимся на поставках в Египет мамлюкского пополнения, а полученные деньги оставляли своим семьям. Купцы с выгодой перепродавали их в Египте, где они попадали в мамлюкские военные школы⁸⁰. Характерной чертой правления черкесских правителей была практика привлечения своих родственников из Черкесии и предоставление им высоких государственных должностей⁸¹. Черкесы принесли в Египет свои обычаи и рыцарские нравы, в том числе и в военной сфере.

Четвертый параграф – Институт выезда на службу. Выезд на службу, наряду с системой военного рабства и наемничеством, являлся универсальным институтом пополнения правящего класса феодальных держав Европы и Азии. Основные страны, куда в период Позднего Средневековья выезжали на службу черкесские аристократы, подтверждаемые источниками, – это Москов-

⁷⁸ Хотко С.Х. Генезис черкесских элит в султанате Мамлюков и Османской империи. Майкоп: «Меоты», 1999. С. 146.

⁷⁹ Босворт К.Э. Мусульманские династии. М.: Издательство «Наука», 1971. С. 101.

⁸⁰ Дзуганов Т.А. Очерки экономической истории Черкесии XV–XIX вв. / Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр» Российской академии наук». Нальчик, 2018. С. 32–33, 44.

⁸¹ Хотко С.Х. Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII–XVIII веках. Майкоп: Республиканское издательско-полиграфическое объединение «Адыгея», 1995. С. 155.

ское царство (Россия), Османская империя, Крымское ханство, Польша, Грузия и Иран. Среди причин этого явления следует отметить следующие: военно-аристократический образ жизни, целиком посвященный воспитанию и реализации воинского духа, неразвитость государственных институтов, феодальные междоусобицы, внутрисословная конкуренция, ограниченность собственных материальных ресурсов и перспектив социального роста⁸². Черкесы легко вписывались в государственные структуры соседних государств и выполняли в основном военно-командные функции. Этому благоприятствовала заслуженная репутация в военной сфере – не только по причине их общепризнанной храбрости, но и в силу высокоэффективной и совершенной системы воинского воспитания, а также культивирования рыцарской идеи и таких ее составляющих, как верность сюзерену, благородство, аристократический этикет «уэркъ хабзэ». Все это в случае выезда гарантировало черкесам быстрое продвижение как на военной службе, так и при совершении политической и административной карьеры при дворах иноземных государей. Выезду черкесов способствовала не только их востребованность за границей, но и целый ряд внутренних причин. Многие покидали Черкесию в надежде обрести большие возможности для самореализации, чем на родине, где социальный статус человека определялся при рождении и, как правило, оставался неизменным на протяжении всей жизни. Высшие сословия феодальной Черкесии (пши, тлекотлеши) носили замкнутый, закрытый характер. Неразвитость государственных институтов и военизированный характер черкесской культуры препятствовали совершению иной, кроме военной, карьеры. Слабая экономика, натуральное хозяйство, отсутствие сильных государственных институтов с развитым государственным, военным, административно-бюрократическим аппаратом не давали возможности для самореализации внутри страны. Поэтому в княжеских семьях по взаимному согласию выбирали обычно младших братьев для выезда на службу. Заключение союзов черкесских владетелей с монархами соседних государств обычно подкреплялось династи-

⁸² Сокуров В.Н. Институт выезда на службу у черкесов // Журнал «Эльбрус». Выпуск Кабардино-Балкарского историко-родословного общества. Нальчик, 1999. № 1. С. 97–98.

ческими браками и отправкой к ним на службу сыновей. Служба последних при царских дворах должна была служить залогом верности заключенным договорам и принятым на себя обязательствам. В этом отношении выезжавшие черкесские княжичи являлись в некоторой степени заложниками и гарантами таких политических альянсов.

Имели место и выезды под давлением обстоятельств. Потерпевшие поражение в междоусобной борьбе князя, чтобы избежать истребления, бежали в соседние государства, находили приют и покровительство у их правителей.

Выезд за пределы Черкесии для дворян был облегчен правом свободного отъезда (пщыхъуэж) и практической возможностью расторжения феодального договора с сюзеренами. Неограниченная свобода передвижения «вольных земледельцев» (крестьян-тфокотлей) демократических политий Западного Кавказа способствовала широкому распространению в их среде военного отходничества.

Кооптация выезжавших на службу черкесских аристократов в состав правящей элиты России, Польши, Турции, Персии и др. государств облегчалась еще и тем, что до конца XVII в. основная масса черкесского населения оставалась языческой с элементами христианства и мусульманства. У мигрантов не было какого-либо религиозного барьера, и они быстро адаптировались в любой конфессиональной среде. Те, кто служил султану и крымскому хану, становились мусульманами, тогда как те, кто служил русскому царю, принимали православие⁸³. Религиозная индифферентность и приоритет сословных ценностей и понятий были в целом характерны для черкесской аристократии.

Появлению черкесов на службе у государей России, Турции, Крыма, Ирана, Грузии и других стран способствовало установление с ними брачных связей черкесских князей, выдававших за них своих дочерей. В соответствии с черкесскими традициями невесту при отправлении в дом жениха должен был сопровождать член семьи или близкий родственник. Когда черкесская аристократка

⁸³ Шанталь Лемерсье-Келкеже. Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в. // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 227.

выходила замуж в Россию, Персию, Турцию или другую отдаленную страну, этот переезд означал, что фактически она навсегда прощается с родной семьей и страной. Обычно сопровождавшие ее родственники в таком случае оставались вместе с ней в этих странах, поступая на службу ко дворам монарших особ, чьими родственниками они становились. Матримониальные связи черкесских аристократов с царствующими домами соседних стран в точности отражают и географию выезда на службу представителей знатных черкесских семей. Это Россия, Турция, Крымское ханство, Грузия и Иран.

Несмотря на схожесть между военным отходничеством (наемничеством) и институтом выезда на службу, следует, не отождествляя эти явления, подчеркнуть различия между ними. Военное отходничество, или наемничество – феномен, имевший место в том случае, когда лицо или группа лиц предоставляли свои услуги (охрана объектов, государственных границ, торговых караванов, коммуникаций, первых лиц государства, участие в вооруженных конфликтах на стороне нанимателя) за определенное материальное вознаграждение – жалованье. Оно, как правило, не предполагало высокого социального статуса наемников и их включения в состав правящей элиты принимающего государства. Договор с наемниками не предусматривал заключения и соответствующего оформления вассально-сюзеренных отношений, как это имело место, к примеру, в случае поступления черкесских аристократов на службу к правителям соседних государств. Одним из условий феодального института выезда на службу было, помимо государственного жалованья, предоставление приезжим аристократам земельных владений с податным населением. Выезд на службу черкесских аристократов ко двору монарших особ предполагал их инкорпорацию в состав правящего класса, поэтому принимающая сторона тщательно изучала сословный статус приезжих и реальный политический вес в Черкесии делегировавших их кланов. Они рассматривались правительством принимающей страны как агенты влияния, посредством которых планировалось лоббировать свои геополитические интересы на Северном Кавказе.

В феодальную эпоху наряду с аристократами высшего ранга, в воинский класс Черкесии входили представители многочисленного служилого дворянства, свободного крестьянства и отдельных категорий зависимых сословий. Восребованность и высокая репутация черкесов в военной сфере позволяла им находить применение своим способностям в армиях иностранных государств, но шансы пополнить ряды правящей элиты принимающих стран были, как правило, только у представителей высших слоев черкесской аристократии. Поэтому институт выезда на службу имел бытование, как правило, в их среде, а военное отходничество или наемничество – в среде всех нижестоящих сословий, включавших служилых дворян и крестьянство. Исключение составляли страны, где функционировала система военного рабства (Мамлюкский Египет, Османская империя). Люди низкого или несвободного социального статуса, попадавшие в эти страны в качестве невольников, имели шансы занять место в правящей, управленческой элите.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования и делаются основные выводы. Многовековой исторический путь черкесского народа на протяжении длительного периода протекал в тяжелых условиях, детерминированных как коллизиями внутриэтнического развития (политическая раздробленность, отсутствие централизованного государства с единой армией, феодальные междоусобицы), так и сложной геополитической обстановкой с перманентной угрозой внешних экспансий. Эти обстоятельства способствовали возникновению и развитию институтов военной культуры, которые играли важную роль в жизни черкесского этноса. Военную культуру правомерно выделить как отдельную подсистему в рамках традиционной культуры черкесов. Являясь составной и органической частью этнической традиции, она имела свои специфические характеристики, обусловленные особенностями исторического развития народа и страны. Чрезвычайно военизированный быт диктовал необходимость воспитания всех членов общества в соответствующем духе. Общественные институты, обычаи, система воинской подготовки, народный фольклор, духовные ценности и идеалы призваны были поддерживать в обществе высокий уровень военной

мобильности. Эти ценности культивировались в черкесском обществе и были освящены нормами обычного права. Как любое историческое явление, они несли в себе положительное и отрицательное начала. С одной стороны, система воспитания в этом духе препятствовала развитию общественного сознания, тормозила темпы социального и экономического развития общества. Но, с другой стороны, она вырабатывала в черкесах такие качества и навыки, которые помогали им в течение столетий отстаивать свою независимость.

Рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ», соционормативные установки черкесов, регулировавшие поведение человека на войне, свидетельствуют о существовавшей у них развитой «культуре войны» в лучшем, гуманитарном смысле этого понятия. Отдельные военные обычаи, действовавшие у черкесов, соответствовали международному праву войны, сложившемуся в Европе в XIX в., другие – представляли собой явный анахронизм, аналогии которым можно было найти только в древней античной или европейской средневековой истории. Во время и в ходе Кавказской войны они претерпели определенные трансформации в сторону отклонения от традиционных норм.

Исследование институтов военной культуры, анализ этнических концепций и систем воспитания, способствующих развитию воинственности, может дать много для понимания не только исторического прошлого северокавказских народов, но и современных социально-политических проблем, имеющих место на Северном Кавказе.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Институт абречества у черкесов в XIX веке // IV конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. М., 2001. С. 136.
2. Наездничество как традиционный адыгский общественный институт // Этнографическое обозрение. М., 2002. № 1. С. 93–108.
3. Черкесское наездничество «ЗекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 302 с.
4. Некоторые особенности черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры // История науки и техники. М., 2013. №7. С.69–76.
5. Трансформация традиционных черкесских институтов наездничества и абречества с XVIII по 30-е гг. XX в. // История науки и техники. М., 2013. №10. С. 53–60.
6. Традиции пиратства у черкесов с античных времен по новое время // История науки и техники. М., 2014. № 4. С. 44–50.
7. Некоторые аспекты традиционной военной культуры черкесов // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2015. № 5 (67). С. 171–178.
8. «Право войны» в свете традиционной военной культуры черкесов (адыгов) – социокультурный аспект // Кавказский сборник. Под ред. В.В. Дегоева. М., 2015. Том № 9 (41). С. 47–66.
9. Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с XVIII по 30-е годы XX века (на адыгском материале) // АДЫГИ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, МЕНТАЛЬНОСТЬ. Коллективная монография. В рамках проекта РГНФ - Академия наук Абхазии (АНА) № 14-23-12001 «Постсоветское социокультурное пространство (на примере адыго-абхазской культурной идентичности)». Майкоп, 2015. С.102–121.

10. Особенности абхазо-адыгской этнической культуры и их параллели в древних цивилизациях Передней Азии // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба к 70-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. Сухум 14–17 мая 2015 г. АБИГИ, ИВ РАН. Сухум – Москва, 2016. С. 206–211.
11. Роль кабардинской лошади в черкесской истории // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2017. Вып. 1 (32). С. 30–37.
12. «Уорк хабзэ» и «Бусидо» – культурные параллели и отличия кодекса чести воинских сословий Черкесии и Японии // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2017. Вып.2 (33). С. 29–38.
13. Военная культура черкесов и связанная с ней терминология // Вестник КБИГИ (КВІНН Bulletin). Нальчик, 2018. 1 (36). С. 22–28.
14. Агональный дух черкесских преданий, традиционной черкесской культуры и историческая фактология // История науки и техники. М., 2018. №6. С. 33–44.
15. Кодекс чести черкесского дворянства // Кавказский сборник. Под ред. В.В. Дегоева. М., 2019. С. 306–332.
16. Система обычного права и механизмы регулирования общественных отношений, связанных с наездничеством (институты Хашэ, Барамта) у черкесов во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. // История науки и техники. М., 2019. С. 37–46.
17. Особенности соционормативной культуры черкесской аристократии в XVIII – первой половине XIX в. // Научные известия. Нальчик, 2019. №15. С. 7–19.
18. Бромбергский процесс – продолжение истории: происшествие с уроженцами Кабарды – всадниками Кавказского (Варшавского) дивизиона // Новое прошлое. Ростов-на-Дону, 2019. № 4. С. 60–75. (в соавторстве с А.М. Абаевой).

19. Черкесские предания и историческая фактология // Вопросы кавказской филологии. Нальчик, 2019. Выпуск 12. С. 220–234.
20. Трансформация института кровной мести у народов Центрального Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: факторы, механизмы, казусы // Электронный журнал «Кавказология»/Caucasology № 3/2020. С.79-110.
21. Песенный фольклор в системе военной культуры черкесов (адыгов) // Вестник КБИГИ (KBINR Bulletin). 2020. № 3 (46). С. 40–47.
22. Институт выезда на службу и военное отходничество как часть военной культуры черкесов // Электронный журнал «Кавказология» / Caucasology № 1/2021. С. 26–66.
23. Воинский класс и военная организация традиционного черкесского общества (XV – середина XIX в.) // Электронный журнал «Кавказология» / Caucasology № 4/2021. С. 12–32.
24. Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов. Средневековье – Новое время. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 400 с.
25. Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Электронный журнал «Кавказология» / Caucasology № 2/2022. С. 54–37 (в соавторстве с М.-Р.К. Чанак).
26. «Вольные кабардинцы» в контексте русско-турецких и осmano-черкесских отношений первой половины XIX столетия на основе российских и османских источников // Электронный журнал «Кавказология» / Caucasology № 4/2022. С. 69–87 (в соавторстве с М.-Р.К. Чанак).
27. Военная культура в Средние века и Новое время (в соавторстве с А.В. Кушхабиевым) // Адыги: Адыгейцы, Кабардинцы, Черкесы, Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. М.: Наука, 2022. С. 374–415.